

**РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ХРИСТИАНИЗАЦИИ КАЛМЫКОВ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ
НА ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ВОЛЖСКОМ КАЛМЫЦКОМ ХАНСТВЕ
(КОНЕЦ XVII – СЕРЕДИНА 30-х ГОДОВ XVIII в.)**

© 2014 С.В. Джунджузов

Оренбургский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 04.09.2014

Христианизация калмыков использовалась русским правительством для распространения влияния в Волжском калмыцком ханстве. При этом основное внимание уделялось крещению представителей калмыцкой знати. Но, когда стало очевидным, что наиболее влиятельным претендентом на ханский престол, способным привести калмыков к согласию, является приверженец буддизма, имперские власти решили отступить от своих первоначальных замыслов и вывести крещеных калмыков из пределов Волжского ханства.

Ключевые слова: Волжское калмыцкое ханство, крещеные калмыки, политика, христианизация.

Образование поселения крещеных калмыков в Самарском Поволжье в 1737-1738 годах XVIII в. стало возможным в результате сближения двигавшихся навстречу друг другу цивилизаций – европейской в лице Московского царства и кочевой азиатской, представленной последней крупной волной переселенцев – ойратами, или калмыками, – выходцами из Западной Монголии (Джунгарии)¹.

Временные территориальные потери, которые понесла Россия в начале XVII в. на западных рубежах, компенсировались расширением российских владений в Западной Сибири. К острогам, построенным в последнее десятилетие XVI в. на берегах Тобола, Иртыша и Оби, в 1604 г. добавился возведенный по просьбе томских татар Томский острог, впоследствии ставший центром одноименного уезда. В это же время в Прииртышье наблюдаются скопления калмыцких кочевий – торгоутов и дербетов.

Отток значительной части калмыков с исторической родины – Джунгарии – и их движение в пределы России исследователи объясняют комплексом связанных между собой причин: 1) недостаток пастбищных территорий в Джунгарии конца XVI в., обусловленный ростом общего поголовья скота у ойратских тайшей и территориальными потерями в результате их военных неудач; 2) обострение междоусобной борьбы между отдельными феодальными кланами, а также и в среде самих тайшей одной династии за перераспределение пастбищ и улусов, наследственные споры и пр.; 3) стремление калмыцких тайшей иметь стабильные вольные рынки для обмена и торговли с соседними оседлыми народами².

*Джунджузов Степан Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России.
E-mail: Djund@yandex.ru*

Начальной датой добровольного вхождения калмыков в состав Русского государства по праву считается 1609 г., когда в крепостном сибирском городке Таре предводимая тайшей Хо-Урлюком 50-тысячная группировка торгоутских калмыков принесла присягу на подданство России. Позднее их примеру последовали представители других калмыцких сообществ: дербетов, хошоутов и тех же торгоутов. Миграция калмыков на Запад завершилась в 30-90-е гг. XVII в. их расселением в степных просторах по берегам Яика (Урала), Волги (от Астрахани до Самары) и в Придонье. На этой территории образовалось Волжское калмыцкое ханство³. Историки разных времен с редким единодушием отмечают положительное значение для России размещения калмыков в малозаселенном волжско-уральском регионе. Соседние тюркоязычные и северокавказские народы, многие из которых пользовались покровительством Османской империи, враждебно восприняли появление новых пришельцев. Конфликтная ситуация с казаками (киргиз-кайсаками), ногайцами, крымскими и кубанскими татарами, калмыки оттягивали на себя силы кочевников, промышлявших грабительскими набегами на приграничные русские селения. Однако и для самого Московского царства выстраивание дипломатических отношений с калмыцкими правителями осложнялось отсутствием правовых гарантий обеспечения достигнутых договоренностей. В первой половине XVII в. калмыки часто нарушали все посольские обычаи без каких-либо мотивов. Б.А. Азнабаев, изучавший порядок прохождения службы уфимских служилых людей, счел нужным заметить, что назначение в калмыцкие улусы ими воспринималось «если и не как наказание, то, по крайней мере, как признак явного нерасположения со стороны начальства»⁴.

К середине XVII в. определилась правовая модель взаимоотношений России с калмыками, которая получила юридическое закрепление в шертях (договорных записях. – С.Д.), заключенных калмыцкими правителями лично или через доверенных лиц в 1655, 1657, 1661 и в последующие годы⁵. Безусловно, рассчитывать на равноправные союзнические отношения с могущественной Русской державой калмыкам не приходилось, но им, на наш взгляд, удалось закрепить максимально выгодные для себя условия. Статус территории, населенной калмыками, определялся как Калмыцкое ханство. Сами же калмыки, согласно шертной записи 1657 г., должны были «быть в вечном подданстве и послушанье». Они также брали на себя обязательства «государевой службы»: участвовать в ратных делах, не вступать в связь с неприятелями России, не воевать с подданными царя и не грабить их⁶. Таким образом, за Калмыцким ханством был закреплен статус государства в составе России, отношения с которым строились на договорной основе.

Однако наличие письменных обязательств не служило для калмыцких тайшей препятствием к их нарушению. Дореволюционные исследователи Г.И. Перетяткович, В.Н. Витевский и др. отмечали, что правители калмыков по отношению к России продолжали держать себя совершенно независимо, свободно ведя сношения с Китаем и Тибетом, и не прерывали связей с Джунгарией, откуда приходили к ним и уходили с Волги тысячи кибиток. Опустошительным набегам со стороны калмыков подвергались как русские поселения, так и владения народов, признавших себя подданными русского царя: башкир, ногайцев, татар. В одном из донесений говорилось: «Города воюют, села и деревни жгут, ногайские улусы разоряют и в полон емлют»⁷. Особенно частыми подобного рода инциденты становятся с приходом к власти хана Аюки (1670-1724). Почитаемый в Калмыкии как выдающийся полководец и искусный дипломат, Аюка неоднократно давал клятвы на верность и послушание русскому правительству, но это не мешало ему при всяком выгодном для себя случае нарушать их. В 1674 г. он отказался идти в поход на Крым, в следующие два года позволил калмыкам безнаказанно нападать на русские поселения, грабить и уводить в плен их жителей. В 1681 и 1683 гг. воинственный калмыцкий правитель вместе с восставшими башкирами участвовал в разгроме русских и черемисских сел в Казанском и Уфимском уездах и на Волге⁸.

Разбойные нападения возглавляемых Аюкой калмыков на подданных русского царя не следует объяснять часто незаслуженно приписыва-

емым степным кочевникам вероломством. Скорее, это была защитная реакция калмыцкого правителя на все более усиливавшееся влияние России в Нижневолжском регионе и оказываемое с ее стороны давление. Кроме того, у хана Аюки были основания для личных обид. Он надеялся, что за оказанную калмыками военную поддержку в ликвидации восстания стрельцов в Астрахани, в преследовании предводительствуемых К. Булавиным бунтовавших донских казаков всегда сможет рассчитывать на военную помощь русских союзников. Но, когда случай представился и калмыцкий хан в 1715 г. после разгрома его войска кубанскими татарами вынужден был бежать в Астрахань, его просьба о посылке русского войска и артиллерии астраханскими воеводами была отклонена.

Постоянное беспокойство русского правительства вызывали непрекращавшиеся калмыцкие грабительские набеги на российские поселения в низовьях Волги и Яика. Распространение среди калмыков православия должно было способствовать их «умиротворению» и переводу в инородческое военное сословие. Ключевая роль в осуществлении этой задачи отводилась Русской православной церкви. Однако приступить к принудительной христианизации калмыков, как это имело место в отношении народов Сибири и Урала, исповедовавших язычество, по ряду причин было невозможно. Во-первых, к этому времени национальной религией калмыков становится буддизм тибетского толка (*в дореволюционной России именуемый ламаизмом*. – С.Д.)⁹; во-вторых, царское правительство нуждалось в военной помощи и содействии калмыков в охране южных и юго-восточных рубежей Русского государства; в-третьих, прямое давление в таком важном для любого правителя вопросе, как выбор государственной религии, могло быть воспринято как грубое вмешательство во внутренние дела и посягательство на власть с непредсказуемыми, но при любом раскладе негативными для России последствиями. Поэтому на начальном этапе восприятие калмыками православия могло носить единичный и, скорее всего, пусть не всегда осознанный, но добровольный характер.

К.В. Орлова, ссылаясь на шерть от 27 февраля 1673 г., подписанную тайшей Аюкой и астраханским воеводой, боярином Я.Н. Одоевским¹⁰, пришла к выводу, что христианизация калмыков была оформлена юридически в 70-х гг. XVII в., хотя сам процесс начался задолго до 1673 г.¹¹ В этой и последующих шертях (от 15 января 1677 г., 24 января 1683 г.) содержится обещание не просить возвращения в улусы калмыков, ставших православными христианами¹².

Историк Уральского казачества А.Б. Карпов обнаружил известие об использовании крещеных калмыков на русской военной службе уже в XVII в. В 1686 г. в Курске были поселены 51 семейство крещеных калмыков. Они были приписаны к Белгородскому полку донских, яицких и орешковских казаков. За службу им выдавалось жалованье и провиант¹³.

Сам хан Аюка с большим неудовольствием относился к изменению вероисповедания своих подданных, о чем он недвусмысленно дал понять, приказав сжечь первое компактное поселение православных калмыков за пределами Калмыцкого ханства. Образовано оно было в 1700 г. и находилось выше Саратова, на впадающей в Волгу реке Терешке. Прежде его жители принадлежали к находившемуся в ведении самого Аюки Еркетеновскому улусу. Исполнителем ханской воли был брат эркетеновского зайсанга Ямана (*зайсанг – представитель феодально-родовой знати. – С.Д.*). Оправдываясь перед российскими властями, Аюка заявил, что нападение на терешкенское поселение эркетеновский зайсанг совершил без его ведома, но призвать его к ответу по калмыцким законам хан не может, «потому что зайсанг всегда имеет полное право забирать своих холопов»¹⁴. В дальнейшем, чтобы избавить новокрещеных калмыков от ханского гнева, их стали переселять на жительство в малороссийские города Киев и Чугуев для последующего зачисления в казачье сословие.

Император Петр Великий продолжал целенаправленную политику христианизации калмыков. Царь высоко ценил боевые качества калмыцкой кавалерии, продемонстрированные в сражениях войны со Швецией и в походах на Крым и Кавказ. Начавшиеся к концу правления Аюки и особенно усилившиеся после его смерти столкновения между претендентами на ханский престол и поддерживавшей их знатью давали российским властям основания для вмешательства во внутрикалмыцкие дела и создавали благоприятные условия для развертывания православной миссионерской деятельности. С 1724 г. главным объектом миссионерского воздействия становятся представители калмыцкой знати. Требование «склонять владельцев и законников их в христианство» содержалось в Указе Петра I от 20 января 1724 г.¹⁵ Поводом к принятию этого Указа, вероятно, послужило желание перейти в православие внука Аюки Баксада Доржи. Баксадай надеялся при содействии высоких русских покровителей возвратить имущество, отобранное у него во время мятежа, поднятого против хана Аюки его старшим братом Дасангом¹⁶. Принятое решение осуществлялось в глубокой тайне от других калмыцких владель-

цев. По официальной версии, на аудиенцию к высочайшему двору он был отправлен для подачи жалобы на своих братьев, отобравших у него улусы¹⁷.

В правительственных кругах России крещению ханского отпрыска придавалось значение исключительной государственной важности. Баксадай Доржи со свитой был препровожден сначала в Москву, а затем в Санкт-Петербург, где 15 ноября 1724 г. в соборной Троицкой церкви состоялся обряд крещения. Торжественности церемонии придавало присутствие императора, членов Синода, сенаторов и придворных сановников. Сам Петр I соблаговолил быть восприемником калмыцкого владельца, по его милости нареченного Петром Петровичем Тайшиным. Тогда же были крещены семь зайсангов из свиты П. Тайшина. Их восприемниками были А.Д. Меньшиков, канцлер Г.И. Головкин и другие царские сановники. За переход в православие калмыцкому владельцу было назначено ежегодное жалованье в 1 тыс. рублей и 500 четвертей ржи. Не обделены были денежными выплатами и подарками и новокрещеные калмыки из его окружения¹⁸. После завершения торжеств П.П. Тайшин и вся калмыцкая делегация возвратились в Калмыцкое ханство. Так было положено начало традиции проведения обрядов крещения знатных калмыков в торжественной обстановке с восприемством от высокопоставленных чиновников и щедрым вознаграждением. Последнее обстоятельство служило для калмыков весомым доводом к смене вероисповедания.

Закрепить успех и продолжить распространение православного христианства непосредственно в Калмыцком ханстве Российское правительство и Православная церковь надеялись путем учреждения при улусе Петра Тайшина постоянной православной миссии. Она была организована в 1725 г. под руководством иеромонаха Никодима (Ленкеевича). Для обучения калмыцкому языку к П. Тайшину были направлены учащиеся Славяно-греко-латинской академии Андрей Чубовский, Иван Ляхов, Максим Долматов, Петр Смирнов, Федор Львов. Вне зависимости от возраста и исполняемых обязанностей в миссии они продолжали числиться школьниками.

Деятельность первой православной миссии достаточно подробно освещена в новейшей литературе¹⁹. Функционировала она до 1736 г., когда была свернута, не достигнув основной своей цели – образования в пределах Волжского калмыцкого ханства устройства устойчивого православного калмыцкого поселения. Деятельности миссии препятствовала нескрываемая враждебность ламаистского духовенства, имевшего большое влияние на знатные слои калмыцкого обще-

ства. Не стал союзником православных миссионеров и именовавший себя князем православный владелец Петр Тайшин. После возвращения в родовой улус он продолжал демонстрировать приверженность буддизму. Иеромонах Никодим доносил в 1730 г., что новообращенный сын его «имеет сообщение более с гелюнгами (*представителями ламаистского духовенства*. – С.Д.), препятствует крестить малолетних детей и, получая жалование, раздает его не калмыкам крещеным, а гелюнгам для умоления за него идолов»²⁰.

В переписке с Русским правительством П. Тайшин, по крайней мере в первые несколько лет после крещения, старался представить себя как решительного защитника православных калмыков. Еще в 1726 г. он ходатайствовал перед императрицей Екатериной I о постройке для его проживания близ Астрахани городка с православной церковью. Свое ходатайство Тайшин мотивировал заботой о распространении христианской веры среди калмыков: «Чтобы вера христианская не была в ослаблении, так как все калмыцкие владельцы и их народ крещеных ненавидят». Постройка крепости могла обеспечить православному калмыцкому князю надежную защиту и заметно возвысила бы его над прочей калмыцкой знатью²¹. Видимо, отсутствие определенного мнения вынуждало правительственных чиновников уклоняться от прямых обещаний. Так, канцлер граф Г.И. Головкин писал Тайшину, что по крайней мере в ближайшее время его просьба исполненной быть не может, поскольку он не уведомил, где собирается кочевать со своим улусом после перехода через Дон в волжские степи²².

Против передачи всех крещеных калмыков во владение Петра Тайшина с 1730 года решительно высказывался иеромонах Ленкеевич. Он писал в Синод, что при Тайшине имеется всего две семьи крещеных калмыков. Остальные, «крещеные в Петербурге и им, иеромонахом, на Дону, во владениях Тайшина, несмотря на его расхищенные и некоторые без напутствия померли, а собрать их невозможно»²³.

Когда же надежды на покровительство царского двора развеялись, П. Тайшин в 1734 г. решил на открытое противодействие монаршей воли и поддержал вооруженное выступление двоюродного брата Дондук-Омбо против признанного Петербургом наместником Калмыцкого ханства Церен-Дондука²⁴. Для усмирения бунтовщиков потребовалось военное вмешательство России. П. Тайшин был пленен, направленным против него с войском генерал-поручиком И.Ф. Барятинским и отправлен сначала в Царицын, где содержался в тюремном заточении, а затем в Санкт-Петербург. Дондук-Омбо сумел перехитрить Барятин-

ского. Он пустил слух о намерении переправиться через Волгу и откочевать со своими улусами в Джунгарию и уже после того как русские отряды сосредоточились на волжских переправах, мятежный владелец со своими улусами ушел на Кубань, к враждовавшим с Россией кубанским татарам²⁵.

С этого времени жизненные пути братьев пересекались только заочно. Не пользовавшийся авторитетом у подданных, да к тому же злоупотреблявший алкоголем Церен-Дондук не оправдал надежд русских властей. В 1735 г. были восстановлены отношения с Дондук-Омбо, и по инициативе царского правительства он заменил Церен-Дондука на должности наместника Калмыцкого ханства, а через два года за победы, одержанные против кубанских татар, был возведен в ханское достоинство. Содержавшийся в Санкт-Петербурге на положении почетного пленника и потерявший все шансы не только на ханский престол, но и на возвращение в калмыцкие степи, Петр Тайшин обратился к Анне Иоанновне с покаянным письмом. Он просил императрицу передать ему в управление всех крещеных калмыков и выделить им для проживания земли внутри Российской империи. Это прошение послужило основанием для поселения крещеных калмыков на Средней Волге.

Из вышесказанного следует, что изначально, в конце XVII - начале XVIII в., крещение калмыков происходило в результате их непосредственных контактов с русским населением, когда калмыки волею обстоятельств попадали в пределы России. Во второй четверти XVIII в. крещению калмыков стал придаваться политический характер²⁶. В соответствии с выработанной русским правительством стратегией упор делался на христианизацию представителей высшей калмыцкой знати, которым отводилась роль «агентов имперского влияния» в Калмыцком ханстве. В отличие от церковных подвижников, правительственные круги не испытывали особой заинтересованности в увеличении численности православных неопитов из простонародья. Поэтому, когда стало очевидным, что наиболее влиятельным претендентом на ханский престол, способным привести калмыков к согласию, является приверженец буддизма, имперские власти решили отступить от своих первоначальных замыслов и вывести крещеных калмыков из пределов Волжского ханства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Любичанковский С.В. Империя Романовых и проблема управления культурно-гетерогенным пространством // Уральский исторический вестник. 2013. №3 (40). С.59-68.

² Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. С.225-226.

- ³ Ханский титул тайше Аюке был присвоен Далай-ламой в 1690 г. *Пальмов Н.Н.* Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. С.119.
- ⁴ *Азнабаев Б.А.* Предвестники уфимской бюрократии // Река времени. 2013: уникальные свидетельства прошлого. Уфа, 2013. С.29.
- ⁵ *Любичанковский С.В.* «Внутренняя периферия» Российской империи: Средне-Волжский вариант // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. №2. С.165-169.
- ⁶ *Эрбиев У.Э., Максимов К.Н.* Калмыки: историко-этнографические очерки. 4-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. С.52, 54.
- ⁷ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. VII. Оренбург, 1907. С.17.
- ⁸ *Пальмов Н.Н.* Указ. соч. С.119.
- ⁹ В 1640 г. состоялся всемонгольский съезд правителей Джунгарии, Халхи, Куконора и волжских калмыков, где было принято общемонгольское законодательство «Ик цаажин бичиг». В одной из статей этого законодательства буддизм объявлялся официальной религией ойрат-монголов.
- ¹⁰ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание 1-е. СПб., 1830. Т.I. С.540, 923-927.
- ¹¹ *Орлова К.В.* История христианизации калмыков. Элиста: Вост. лит., 2006. С.41.
- ¹² *Орлова К.В.* Указ. соч. С.41-42.
- ¹³ Жалованье им платили из таможенных и кабацких сборов: мурзе (*командиру*. – С.Д.) 50 рублей, а рядовым – от 17 до 37 рублей в год. Провиантское снабжение состояло из ржи – 12 и 10 четвертей соответственно, и такого же количества овса. *Карпов А.Б.* Уральцы. Исторический очерк. Часть I. Яицкое войско, от образования войска до переписи полковника Захарова (1550-1725 гг.). Уральск: Войсковая типография, 1911. С.894.
- ¹⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф.590. Д.152. Л.15об.
- ¹⁵ ПСЗРИ-1. Т.VII. №4427. С.207.
- ¹⁶ *Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. С.38-39.
- ¹⁷ ОР РНБ. Ф.590. Д.152. Л.20об.
- ¹⁸ Все крестившиеся получили подарки на 779 руб. 35 коп. и по 20 руб. каждый. *Орлова К.В.* Указ. соч. С.47-48; *Бакунин В.М.* Указ. соч. С.40-41.
- ¹⁹ *Орлова К.В.* Указ. соч. С.45-58.
- ²⁰ Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН). Ф.44. Оп.1. Д.60. Л.84об.
- ²¹ Гурий. Первая православная миссия среди калмыков и ее практическая жизнь // Православный собеседник. 1914. №2. С.297.
- ²² ОР РНБ. Ф.590. Д.152. Л.41об.
- ²³ Гурий. Первая православная миссия среди калмыков и ее практическая жизнь // Православный собеседник. 1914. №3. С.436.
- ²⁴ Петр Тайшин считал себя прямым наследником престола, так как его отец был старшим сыном хана Аюки. (*Бакунин В.М.* Указ. соч. С. 71).
- ²⁵ *Пальмов Н.Н.* Указ. соч. С.16.
- ²⁶ Для сравнения см.: *Любичанковский С.В.* Империя, регион и подданные: казахское население Оренбургской губернии как объект реформ в конце XVIII века // Россия под властью Романовых: к 400-летию воцарения. Сборник материалов Всеросс. науч.-практ. конф., Республика Башкортостан, г.Стерлитамак, 15 марта 2013 г. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2013. С.102-104.

RUSSIAN POLICY OF CHRISTIANIZATION OF THE KALMYCKS AND ITS INFLUENCE ON THE SOCIAL RELATIONS IN VOLGA KALMYCK KHANATE (END OF 17th CENTURY – MIDDLE OF THE 1730s)

© 2014 S.V. Dzhundzhuzov

Orenburg State Pedagogical University

The Russian government used the Christianization of the Kalmycks to extend its influence in Volga Kalmuck Khanate. Herewith the main attention was paid to the Christianization of the representatives of the Kalmyck nobility. But when it became evident that the most influential potential successor to the Khanate throne who could lead the Kalmycks to the agreement was the Buddhist, the Empire authorities decided to reject their initial plans and to take the christened Kalmycks out of the territory of Volga Kalmuck Khanate.

Key words: Volga Kalmyck Khanate, christened Kalmucks, policy, Christianization.